

Галерея скитальцев

«Автопортреты», написанные российскими мигрантами, — это зеркало, в котором можно увидеть человечество

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

10:17, 21 августа 2025,

Анатолий Цирульников

ученый, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

Более 20 миллионов мигрантов за два года только лишь из трех стран мира, включая Украину, потоки беженцев и переселенцев, эксперименты в разных видах искусства, в театре, литературе, глобальная цифровая трансформация в контексте шпионажа, доносов, беспилотников... Начало XXI века, чем-то напоминающее начало XX. Столетие не копирует прежнее, скорее собирает в иной композиции фрагменты опыта предшествующего.

Тема миграции – неотъемлемая часть общей картины истории и не может быть понята без нее. Какие тектонические сдвиги рождают это явление? Что толкает отдельного человека на те или иные поступки, совпадающие с общим вектором или прямо ему противоположные?

Миграция началась не сегодня. Она как река с притоками: одни люди входят, другие выходят. Своеобразное зеркало, через которое можно взглянуть на человечество.

И еще. Углубляясь в культурно-исторические пласти, я понял, что этого недостаточно. Что нужны личные истории разных людей, по каким-то причинам и обстоятельствам оставляющих прежнее место обитания, и ищущих, и находящих новое. Нужно записать их истории.

Откуда я брал героев своих записок?

Вначале вылавливал из собственной памяти. Но этот ручеек быстро иссяк. Обратился к старым добрым знакомым с просьбой помочь связать меня с разъехавшимися по свету соотечественниками. Благодаря им и далее по цепочке я переходил от одного человека к другому. И так, к своему удивлению, мне удалось за относительно недолгий срок записать очно и заочно 60 личных историй людей (не хочется называть их мигрантами) из более чем двух

десятков стран. Вот некоторые из них.

Эмиграция без причины (Австралия — Канада — Латвия)

Она просила изменить имя, назовем ее Марина. Без фамилии.

— Не было причин эмигрировать. Я по жизни авантюристка. Училась в аспирантуре, писала диссертацию по датской поэзии. В один какой-то день поехала к своей бабушке и встретила подругу. И она сказала: айда в Австралию. Она уже ездила в австралийское посольство и купила за пять рублей анкету на миграцию. Какой год это был? 1991-й, я думаю...

И я сказала: как здорово.

Посольство было на той же улице, где и сейчас — я поехала, купила анкету. И сказала своему мужу: «Слушай, давай попробуем» — «А я не хочу». — «Ну, давай попробуем».

Сдали анкету. Сдали английский, медицинское обследование — и всё.

И в 1993 году нам дали визу вместе с видом на жительство. Мы подумали: это же здорово! И уехали.

Австралия. Фото: AP / TASS

— Что было дальше?

— Дальше было не так здорово. У меня был диплом московского университета. А они не знали, что это такое. «Вы философ?» — «Нет, я филолог» — «А что это?»

Они не знают, что это такое. Это никому не нужно. И ты понимаешь, что превратился... из всего в никого. В никому не нужного человека...

А муж мой окончил авиационный институт, и это тоже было никому не нужно.

Мне было 27 лет.

Конечно, везде русский контингент, везде были русские — но не тот контингент, с которым я

общалась. В основном не из Москвы. И у многих было такое: вот сядем на государственное обеспечение, будем продавать тапочки. Мне с ними было неинтересно общаться.

В Австралии есть русская школа, где детки учат русский язык. В основном это контингент из Харбина, там старый русский. Они говорят — вы говорите на языке, на котором мы не говорим: «привет», «пока». Они говорят: «здравствуйте», «до свидания»

Я позвонила, пошла на интервью в эту русскую школу, и меня не взяли: «Вы нам не подходите, мы не знаем, какие идеалы вы будете преподавать». И вместо меня поставили доярку.

— **Из деревни?**

— Абсолютно из деревни.

— **А директор школы австралиец?**

— Нет, русский. Они из Харбина. Отмечают русские праздники религиозные и прочее. Мы-то думаем, что они русские, но они совсем другие — все равно что марсиане.

— **Вроде населения Брайтон Бич?**

— Да, наверное.

Я не то чтобы смотрела на них как сноб. Мне не с кем было общаться. Но у меня появились другие замечательные подруги. Одна из Воронежа, другая из Харькова, третья из Сухуми и еще одна из Санкт-Петербурга.

В Австралии есть контингент из Одессы, человек сорок. Уехали в Сидней с семьями после института. А один профессор со

студенткой, молодой женой, уехал в Новую Зеландию, они шахматисты и стали чемпионами Новой Зеландии. Их послали на международный турнир защищать честь страны. Молодая жена профессора должна была играть с чемпионом мира Ноной Гаприндашвили. Она сказала: но мы не шахматисты. Мы просто хорошо играем. Играем с мужем в шахматы. Нет, поезжайте, говорят, защищайте честь страны.

В Сиднее, в общем, мужу не понравилось. Там был московский контингент. Чтобы с ними общаться, надо было — представляете? — пройти у них собеседование. Я никогда с ними не встречалась. Я сказала себе: это уж слишком.

— **А чем вы занимались в Австралии?**

— Подработками. Я оказалась совершенно неуклюжей. Найти постоянную работу не смогла, с моими английским и датским никому не нужна. Пошла учиться в туристический колледж и стала работать в турииндустрии. Там платили мало, зато было весело, я много объездила, особенно Азию.

Моему первому мужу Австралия очень не понравилась. Очень. Подали на ПМЖ и уехали в Торонто в Канаду.

— **И что Канада?**

— В Канаде мне очень не понравилось. Никак. И мы переехали обратно, но уже в Сидней. После года пребывания в Канаде. Ну, у нас была проблема выживания.

— **Выживали?**

— Да... холодно... Я, конечно, не виню холод. И зачем? Лучше уж тогда обратно в Россию. И потом, мне канадцы как люди не понравились. Знаете, есть такое выражение — «от сохи». Очень простые в нравах.

Канада. Фото: AP / TASS

— Отличаются от американцев?

— Ничего похожего. Границу переезжаешь — солнце, трава зеленая. А в Канаде мы встретились со всеобщей недоброжелательностью. Хотя, может быть, это мое личное впечатление, которое, возможно, ошибочное. Опять вернулись. В Сиднее я почувствовала, что просто дома. Там все было легко.

И таким образом я прожила в Австралии 20 лет.

— А ваши дочки появились в Австралии? Сколько им сейчас?

— Одной 18, другой 17.

— И вы продолжали там жить?

— Да... Путешествовала, и все было налажено.

— Тогда почему?

— Что почему?

— **Как вы оказались в Латвии?**

— У меня три дочки. Муж латыш — и мы решили попробовать.

Рига, Латвия. Фото: Алексей Витвицкий / Коммерсантъ

— И где из трех мест лучше?

— В Австралии, конечно. Как говорят, скучаем по родине, так я скучаю по Австралии.

— А Латвия временно?

— Дальше я не знаю. Посмотрим, как получится. Две девочки поступают в университет.

— **В латвийский?**

— Нет, в европейский. Латвийские не очень котируются.

— **А куда поступают?**

— Младшая еще в школе учится. Старшая — в датском университете. А средняя... посмотрим, куда получится. Много народа приехало.

— **Из-за СВО?**

— Очень много. Русских не очень пускают. Украинцев очень много. Но они задерживаются ненадолго. Их, конечно, привечают, но Латвия не слишком богата. Приезжим пенсия 400 евро, а у тети мужа, латышки, — 270. И они спрашивают: почему так? Украинцам в университетах все бесплатно, а латышам надо платить. Но это не дело — критиковать место, где живешь.

У латышей отношение разное: к местным русским одно, а к таким, как я, — из Австралии и других стран, — другое.

Я читаю русские новости: вот пишут, в Прибалтике нацисты. Какие же нацисты? Это маленькая нация, она должна сохранить себя.

— **Я всех спрашиваю, куда пойдет процесс — развитие русского сектора или ассимиляция, интеграция?**

— Думаю, интеграция. Это проще и так комфортнее жить. Я знаю латышскую общину в Австралии, их не видно, они живут, осваивают язык.

У меня девочки не говорят по-русски, они англоязычные. Половину латышски тоже говорят, они же ходят в латышскую школу.

— **Возможные сценарии будущего — вашего...**

— Моего? Этого я не знаю. Не знаю, что будет.

— **А если интернет закроется, Россия закроется... Для вас это не актуально?**

— Не актуально.

Она путешествует по жизни. За мужьями. Ну, не занялась датской поэзией — великое дело! Но родила и вырастила трех дочерей. Есть дом в Австралии, куда можно вернуться. А то, что легко переезжает из одной точки мира в другую, — так это нормально. На то и мир, чтобы передвигаться в нем, удивляться, радоваться, а не сидеть сиднем на одном месте и вставать только, чтобы воевать.

Мир и человек не для этого.

Арифметика на пальцах (Индия)

31 мая 2023 года. В Москве пасмурно, временами дождь, 11 градусов. В Мумбае (прежнее название — Бомбей) — яркое солнце, 33°.

— Мои родители из России. Жили в Ташкенте, я там родилась и училась в школе, — говорит Анастасия Сорока. — Папа и мама преподавали в институте. Папа — физику, мама — историю и работала в министерстве культуры.

А потом все разъехались. Еврейские корни и по маме, и по папе, оба деда — евреи. Один — Герой Советского Союза, и другой с

орденами.

Старшая сестра училась в институте, не захотела бросать, осталась в Петербурге.

А мама с папой развелись и поехали в Израиль отдельно. Папа уехал раньше, я была маленькая, а мама со мной и отчимом уехали в 1999 году, мне было 17 лет.

Анастасия Сорока. Фото: предоставлено автором

— Причина отъезда.

— Мне кажется, на экономической почве. В Узбекистане после раз渲ала СССР ситуация была тяжелая. Раньше было жить легче и ментально свободней. Мы смеялись: в каждом дворе 15 национальностей, и все живут вместе. И браки тоже смешанные. Местный народ тоже разный — из Кореи, Китая,

Таджикистана... Разные волны эмиграции: оттуда, где шли войны, бежали в Узбекистан. Греки, испанцы с 30-х годов...

И как-то люди никогда не выясняли, кто ты и что ты. А когда Союз рухнул, стали выяснять, и началось такое... Казалось, что будущего у детей нет. И многие стали уезжать.

В Израиле была семья знакомых, у них мы остановились на первое время. На месяц... не помню точно. И они помогли нам снять квартиру. Жили в Хайфе.

В конце первого года я пошла в армию, и отсюда началась моя ассимиляция. Армия — это билет в еврейское общество. Не все решаются идти в армию. Я пошла добровольно.

— В армии было тяжело?

— Нет, мне было очень хорошо. Опять-таки из-за смешанной ситуации, люди из разных стран. Новую ситуацию проще воспринимают дети и молодые люди — они легче знакомятся, дружат. После армии пошла в Технион, на архитектурный факультет. Три года мне оплачивали обучение — так полагается после армии.

— А потом вы работали архитектором?

— Нет. Первая интифада началась в 2005 году, и работы не было ни у кого. Был экономический застой, ничего не строили, увольнялись, работали официантами, кофе подавали. Я целый год искала место и стала работать дизайнером одежды в фирме (до этого, еще в Ташкенте, в школе я ходила на курсы кройки и шитья, а с 10-го по 12-й класс училась в Академии дизайна).

В дизайне тебе не нужны такие супердипломы, как в архитектуре. Израиль — страна маленькая, нет необходимости так много строить, нет такого бума архитектуры, как в Москве. В Технионе на архитектурном факультете училось примерно сто человек. Выпуск — двадцать. И только одна девочка работает по профессии.

Так что я стала работать дизайнером одежды. У нас была швейная мастерская, девочки обшивали и продавали.

— Дома работали?

— Нет, в студии, потому что надо обсуждать вместе, делать выкройки. Дома невозможно. Я работала в разных местах наемным дизайнером, а потом открыла свою фирму.

Индия. Фото: AP / TASS

— Нанимали других?

— Не-не-не, я работала сама. У меня был свадебный салон. У меня была студия. Я проработала пятнадцать лет, девять лет на себя.

И так все выстраивалось. Я вышла замуж. Мы познакомились еще в армии, мне было 18, ему 20. Потом вместе учились, а когда нашли деньги — поженились.

(...Слушая Настю, я думаю про моих дочерей. У каждой своя личная история миграции. У старшей, связанная с Израилем и Италией, где растет ее дочка — моя внучка, у младшей — с Грузией, куда она уехала за мужем после объявления о мобилизации. Они бы не уехали, если бы не... — А. Ц.)

— А почему вдруг такой скачок: из Израиля — в Индию?

— Мы с мужем развелись... У нас поменялись взгляды на жизнь.

Я занималась в школе философии, а там организовывали встречи в разных странах, и организовали в Индии. Мы уже разводились, но он не хотел, чтобы я ехала одна. Но я поехала и встретила своего будущего мужа. Он — индус. Философ.

— Вы бывали в Индии раньше?

— Да, но туристом это одно дело, а когда живешь — куча ограничений. И кастовая система, твое место зависит от экономического уровня. В Союзе у людей был более-менее одинаковый уровень. Не все школы были хорошие, но все умели читать и писать. А в Индии нет обязательного образования.

— Как это?

— Хочешь отправить ребенка в школу — можешь отправить. Хочешь забрать — никто не будет препятствовать.

Если есть какие-то деньги, чтобы послать ребенка в колледж, университет, — уровень образования может быть хорошим: инженер, врач. Ниже европейского, но если сравнивать с Россией — уровень образования врачей в Индии очень хороший. И математики самые сильные.

А большинство населения — миллиард человек — необразованное. Отсюда не просто неразвитое мышление, они не видят цепочку причин и следствий, не способны устанавливать связи. И это касается всего.

Когда идешь по улице. Когда получаешь зарплату. Они могут получить деньги вперед и за один день все потратить. И не пойти на работу.

Можете представить себе людей, у которых отсутствует представление о причинно-следственной связях?

— **Не очень.**

— Тут многое по-другому. В России не сформировано критическое мышление. А в Индии — в культуре населения нет стремления вырасти, стать чем-то большим. Отсутствуют амбиции, которые есть у европейцев, американцев.

Есть у тебя еда — хорошо. Нет — не знает, что делать.

— **Голодать, что ли, будет?**

— Да. У нас тут рядом бараки, все перемешено — бараки и шикарные небоскребы. И рядышком живет парень, ему 20 лет, он поселился незаконно. Там нет воды, нет электричества. Просто кусочек земли, огороженный асбестовой стеной. Когда

идет муссон, все заливает, стоит болото. А этот парень как-то приспособился, принес кровать. И я все время удивляюсь: а почему ты не сделаешь дорожку, чтобы дойти до кровати? Разводит руками: где взять?

Я говорю: возьми вот эти кирпичи, выложи себе дорожку. Они ничьи, возьми. От этого предложения он в шоке. Вы думаете, сделал? Ничего подобного. И вот опять муссон, будут дожди. В июне — августе очень сильные дожди. Парня затопит.

— **У него вообще нет образования?**

— Ноль-ноль-ноль... Может быть, это не его вина. Он родился в такой семье, и его никто не учил.

— **И что такая ситуация давно в Индии?**

— Да. Случай с этим парнем — капля в море. Не гомогенная страна, у каждого этноса своя вера, свои «подверья» — и повлиять очень тяжело. Трудно поменять устои, традиции. В какой семье ты родился, в такой и умираешь. Правда, есть некоторые изменения. Если раньше умирали на улице, их оставляли, потому что недосуг было убирать. Сейчас на улице не умирают.

— **Из касты можно выскочить?**

— Можно, если ты готов отказаться от своих родителей, дядей, тетей — тебя никто не убьет за это. Но это очень сложно. И неизвестность. Многие ли готовы по собственной воле идти в неизвестность?

А в Индии — миллионы каст. Каста — это не то, что мы думаем. В «вайшьи» много-много каст. (*Вайшьи — третью по значимости сословие Индии — составляет основную часть индийского населения. Это каста ремесленников, скотоводов и земледельцев. Сегодня к вайшьям также относятся*

большинство клерков и простых наемных работников. — А. Ц.)

Сапожники — разные. Сапожник на улице или в мастерской, или работающий на фабрике, и какому богу молится — все это разные положения. А в зависимости от этого жена должна соответствовать. И родители жены.

Допустим, молочник с одной коровой. Если у него три коровы, уличный сапожник не подойдет — другая каста.

Нам нелегко понять. У нас социальные слои не так сложны: нижний класс, средний, высший. А там, если у тебя три коровы, ты уже на другой ступени общества.

Люди не посылают детей в школу, потому что она не имеет отношения к жизни. Зачем ему языки? Простой язык он и на улице выучит. Природоведение? Бред. Зачем моему ребенку математика? Они считают по фалангам пальцев — вот так, — показывает Настя. — У них есть система арифметики по фалангам.

— Интересно, а в России, наоборот, родители выталкивают детей из дома — уезжай из деревни, учись, а то говно месить будешь!

— Нет, в Индии тоже думают о будущем. Нынешний премьер бегал по улице, продавал чай — и стал премьер-министром. Но в шестилетнем- семилетнем возрасте ты не можешь представить, что такое премьер-министр.

— А родители могут?

— Родитель видит только одно: я могу научить тебя носить корзину.

И вот из-за того, что касты разделены, они не могут учиться друг у друга. Они не видят друг друга. И как тот парень в болоте,

у асбестовой стены, — он не воспринимает меня, я для него как инопланетянин...

Местное образование очень устарело. Оно в принципе не изменилось с тех пор, когда в школе били палкой по рукам. Притом что Мумбай — не пример. Надо видеть поселок, деревню...

Есть только два направления и два типа колледжей: искусство (скульптура, рисование, графика, дизайн) и наука (химия, медицина, ветеринария и еще хайтек — высокие технологии). Всё. Ничего другого нет. Если хочешь заняться океанологией — нет такого. Хотя океан есть. Хочешь заняться разработкой горных пород — нет. Геология, индустриальная химия — нет ничего такого.

И вот маленький человек — он не может разобраться в этом. Таким образом, система каст сохраняет саму себя.

— **А где вы работаете в Индии? В школе?**

— Нет. Я — специалист по телекоммуникациям с животными. Телепатически общаюсь с ними и решаю связанные с этим проблемы.

— **Вы этому научились?**

— Да-да-да. Я, когда приехала в Индию, увидела, что мой дизайнерский опыт не нужен — тут совсем другая мода. И я переквалифицировалась — можно сказать, случайно. Есть такая специальность *animal communication*. Человек телепатически может разговаривать с животными, понимать их, выстраивать причинно-следственные связи. Я ищу потерянных животных. (...)

Индия. Фото: AP / TASS

— Идет ли в Индию поток миграции?

— Нет. Во-первых, ты не можешь приехать, если у тебя здесь нет семьи. Невозможно купить недвижимость, если не гражданин. А туристическая виза на три месяца. В Индии миграция только нелегальная.

— А если семья смешанная, русские — это женщины?

— Большинство — да. Еще есть экспаты. Их несколько тысяч, они находятся в стране, живут как специалисты.

— С семьями?

— Нет.

— То есть иностранцы в Индии — это либо жены, либо приехали по работе? Штучная миграция...

— Иностранцев можно посчитать по пальцам, белые люди — редкость.

— **А чем жены занимаются?**

— В принципе замуж выходят за обеспеченных людей, женщина в Индии не работает, не должна работать. Она может открыть свое дело. Но большинство ведут восточный образ жизни, она может быть домохозяйкой, и ее уважают. Вообще, в Индии статус замужней женщины очень высок, домохозяйка — это работа. Мы занятие домашним хозяйством не считаем работой, а здесь считают. Женщину спрашивают: когда ты освободишься? Она говорит: я закончу свою работу (по дому) через час. И это считается, да, работой.

— **Приезжие стараются сохранить русскую культуру, язык?**

— Индивидуально. Странаются, но что из этого получается... Русский язык — экзотический.

— **Следует признать, что в Индии советскими специалистами было немало сделано для развития промышленности и образования. Со временем как-то забылось... А что сейчас? Индия развивается?**

— Очень активно. Саморазвивающаяся экономика, технологии...

— **А как же касты, отсутствие всеобщего образования, парень, у которого отсутствуют причинно-следственные связи?**

— Есть люди, которые строят космические технологии, и те, которые живут по «Махабхарате» и «Рамаяне». (Знаменитые древнеиндийские эпосы (примерно IV в. до н.э.). В одной из частей «Махабхарата» отражены важнейшие для индийской культуры идеи. — А. Ц.) И между ними — пропасть.

Каждая история имеет свой смысл, и беседуя с человеком, записывая его личную историю, пытаешься вытянуть из бесконечных повторений неповторимое и в то же время важное для других.

Вот передо мной история собеседника, который на протяжении своей еще молодой жизни сменил четыре страны. Может быть, впереди еще что-то, жизнь — не кратчайшее расстояние между двумя точками, случаются такие загогулины...

Как к этому отнестись? Как к подарку судьбы.

Мир разнообразен, и разнообразна жизнь твоя. Не только оттого, что мотаешься по свету, видишь разные пейзажи, встречаешься с разными людьми. У тебя всегда есть выбор.

Вот идут муссонные дожди — стеной. Сколько стен — асbestовых и прочих, в которые упираешься лбом, вот еще стена. Еще. Все дело в том, как ты себя поведешь. Будешь жить, как дано, в четырех стенах, проломишь ее или постараешься, не ломая, увидеть сквозь стену другое измерение.

Проявишь себя как человек, творец — в любом месте.

Это очень трудно, кажется, невозможно.

Ну демонстрации, ну скука (Франция)

Я написал ей, и она ответила.

«Здравствуйте Анатолий, да, мы наверняка встречались, но когда и где? Это все было в прошлой жизни. Даже уже не в прошлой — позапрошлой. Однако я всегда готова побеседовать с Вами. И даже с удовольствием.

Наша парижская жизнь скучна и предсказуема. Ну, демонстрации, ну, мусор, ну, закрывают счета гады-русофобы! А все остальное «по плану», как мы любим.

Шучу. Жить стало веселее с тех пор, как к нам стали приезжать всякие «иноагенты». То один приедет, то другой. А то компанией понаедут. Вот нам и развлечение. Звоните, когда хотите. Вечерами я обычно дома, если не в театре и не на концерте. Буду рада Вам.

Алла Шейнина».

Алла Шейнина. Фото: предоставлено автором

Я позвонил, и мы начали вспоминать.

В разговоре я сказал ей, что Париж не показался мне скучным.

Она ответила: «Нет, конечно, Париж всегда была моя мечта. И так вышло, что она осуществилась».

Но прежде, чем о Париже, — о доме.

— Я вдруг выяснила, что наполовину украинка. Мой папа из Днепропетровска. Он был врачом. Сразу после мединститута пошел на войну и дошел до Вены. А потом служил в Умани, в Чернигове, где я и провела 10 первых лет жизни (ее приемная дочь, грузинка, живет в Париже, «то есть, — сказала Алла, — моя семья в Париже и Тбилиси»).

— И потом, — продолжила она свою родословную, — папу перевели в Звездный городок, и наша семья переехала в Москву.

— И что в Москве?

— А в Москве я столкнулась с московским образованием. Меня отдали в музыкальную школу, и я оказалась в другом мире. Если в Украине я была вундеркинлом, то в Москве — средним троичником, почти двоичником. Это я Вас подвожу к тому, почему я решила стать учителем. С 12 лет дала себе клятву, что построю жизнь совсем иначе.

— И что?

— А вот что — такая троичница, прогульщица, но очень интеллигентная девочка. Я закончила музыкальную школу и в 1968 году — десятилетнюю французскую школу — практически на все тройки, кроме истории, русского, литературы. И французского. А, еще по истории у меня была пятерка. а остальное... В общем, я гуманитарий, конечно. Но самое главное, школа отвращала своей палочной дисциплиной и вообще атмосферой.

И я дала себе клятву, что буду учить по-другому.

И второе — что я по-другому построю свою семью. Потому что у меня была очень строгая мама. И я врала.

Я два раза сказала «нет». Первый раз — что не пойду дальше по музыке и что не пойду в юридический (мама была юристом).

А потом завуч нашей школы почему-то увидела у меня какие-то способности и сказала, что мне нужно идти в институт иностранных языков Мориса Тореза. Нет чтобы в педвуз имени Крупской, куда принимали евреев, а — туда?

Я поступила в Институт иностранных языков, и не только в институт, а в лучшую группу, где учились дети партийных и профсоюзных лидеров. На моем курсе я была одна еврейка, и даже мои родители, вообще никто не верил, что я поступила туда без балата.

И только много лет спустя я встретила человека с моего курса, и он мне объяснил, что была квота 3% евреев.

Так я попала в самую-самую избранную группу, где были собраны дети элиты. Я не из их тусовки была. Меня это немного напрягало.

Но в пятой группе училась Лера Новодворская. И мы с ней подружились. Поэтому Лера многое в моей жизни значила. Она, конечно, на политическую жизнь не повлияла, но приобщила меня к Серебряному веку.

— **Она окончила иняз?**

— Нет, на втором курсе ее посадили. А я стала звездой

французского факультета. Училась на отлично.

На четвертом курсе всех отправляли во Францию. Меня, конечно, не отправили, но зато отправили в Артек, где я попробовала себя переводчиком.

На 5-м курсе сказали, что мы, отличники (нас было пятеро), можем выбирать по распределению, куда хотим. Но те, у кого есть хоть капля еврейской крови, пусть не рассчитывают — выбирать не могут.

— **Так прямо и сказали?**

— Да. Но я не была огорчена, потому что сразу пошла во французскую школу. И мне нужно было выбирать: музыку преподавать или быть завучем по воспитательной работе. Я выбрала последнее.

К тому времени я вышла замуж. Мой муж был абсолютным диссидентом. Сын родился в 1975 году. Мы съехали от родителей, потому что они боялись наших разговоров.

Много лет спустя моему мужу предложили работу в парижском банке с русским капиталом. Так в 1999 году мы оказались в Париже. А меня пригласили в приложение «Французский язык» издательского дома газеты «1 сентября» Артема Соловейчика, и я 10 лет с ними сотрудничала. С большим удовольствием — делала тематические выпуски по истории Франции, истории Парижа...

Париж. Фото: AP / TASS

— Что сегодня во Франции: поток мигрантов из России или ручей?

— Очень много русских. Очень много украинцев. Что касается меня лично, я занимаюсь помощью и украинским беженцам, и русским — в изгнании. Благодаря всей этой ужасной истории я познакомилась с русскими людьми, мы участвуем в митингах протеста и прочее. Украинцами больше занимается государство — организует бесплатные курсы, лечит (я работаю волонтером-переводчиком в медицинском центре, где лечат украинцев). А что касается русских, их положение ужасно. Потому что там они — предатели, а здесь они — агрессоры. Я бесплатно занимаюсь французским языком с русскими, чтобы они могли объясняться в магазине, а молодые люди могли найти работу или учиться.

Так что я активно работаю. Утром в девять первый урок.

— В школе?

— Дома. В девять первый, а последний — как получится. Учитель — это диагноз.

— А где они работают? Кем?

— Кем угодно и где придется: нянями, бэби-ситерами работают, с пожилыми людьми...

Очень тяжелое отношение к русским. Со стороны французов — прекрасное, со стороны администрации — плохое.

Разница в эмиграции в том, что сто лет назад русские во Францию приехали как жертвы. А сейчас как неизвестно кто. Русский язык никому не нужен. Русская культура тоже.

Но я говорю: русские сегодня — это не жертвы. Им нужно выучить язык, встроиться. Тут надо выжить. Выжить и зацепиться. Да, многие работают. Но от них стараются избавиться. Поэтому — французский язык. У меня такая нагрузка, я стала очень востребована, мне нужно научить за короткий срок, чтобы сдали экзамены, получили диплом. Чтобы пошли учиться, работать. Для меня это вызов. Этим людям нужен язык. Меня уважают — но бесплатно. Мы ходим в медицинский центр, помогаем бесплатно, мы работаем, учим бесплатно — у этих русских людей нет денег.

У меня есть ученик Константин — профессор, автор многих книг, но ему тяжело дается французский язык после немецкого. У него депрессия, он хочет в Россию, у него там остались книги. Он старый больной человек. И он не может преодолеть языковый барьер.

Почему приехавшие хотят со мной заниматься? Потому что они на одном уровне, но по-разному продвигаются. Я каждому уделяю время, я с каждым занимаюсь. Русский язык не пропадет. Он восстановит свою целостность. Потому что 100 лет назад было немного русских. А сейчас их больше... Мы были в Тбилиси, я спрашивала: а грузины остались? Везде говорят по-русски. Даже молодые говорят. Когда хотят.

Это большой труд — сохранить русский язык в семье. Но судьба русского языка будет хорошей.

— А что оставила сто лет назад русская культура?

— Вот история. Один француз купил квартиру. Ему сказали: это не просто квартира, в ней жила Марина Цветаева. И француз сошел с ума. Он открыл музей, где встречались люди, читал стихи... Он изменил свою жизнь. Вот роль русского языка в жизни одного француза.

Да, русский язык не пропадет. Будет взаимное проникновение культур.

Из письма Аллы:

«Моя парижско-бретонская жизнь, признаюсь, повеселела. Это связано с тем, что многие актеры и барды уехали в «недружественные страны» и теперь часто приезжают в Париж. Политическая жизнь тоже активизировалась в связи с конфликтом на Ближнем Востоке: вчера участвовала в многотысячном марше против антисемитизма во Франции. Украинским беженцам продолжаю помогать всеми силами, но акцент сместился на беженцев из России, которым во Франции живется гораздо хуже, чем украинцам. Поэтому с утра до вечера обучаю французскому языку. В Бретани мой дом совсем превратился в Терем-теремок. Очень многие нуждающихся в

жилье нашли там прибежище».

Мы как в РФ таджики (Израиль)

Я долго искал их офис где-то на краю города Раанана в южном Шароне в Израиле. Наконец нашел. Какие-то коробки, свертки, обертки, улыбающийся хозяин фирмы, бывший гендиректор знаменитой телекомпании «Томск 2», признанной лучшей региональной телекомпанией страны. Не так просто перейти к оберточному бизнесу после этого.

Но, кажется, он не в обиде на судьбу и успешен в меру. К тому же он продолжает пользоваться спросом в СМИ, часто выступает в ютубе как общественный деятель — теперь уже израильский.

Аркадий Майофис. Фото: соцсети

— Аркадий Майофис — псевдоним?

— Нет. Было Майофи. Добавилось «с».

— Вы откуда? Как тут оказались?

— Мама из Литвы. Я родился в Томске. А папа мой родился в Риге. Когда мне было 14 лет, его и всю его семью сослали в Томскую область — как врага.

Ну, вот... там я закончил школу, университет, выучился на журналиста, выступал в Томске на государственном телевидении в «Новостях», где проработал 4 года, женился в 90-м, еще Советский Союз был. Я создал первую в СССР негосударственную телекомпанию, которая просуществовала до начала 2015 года.

— «Томск 2»?

— TV 2... В начале 2015 года она была закрыта, и мы всей семьей переместились в Израиль. Я, моя дочь с мужем и двумя детьми... Здесь мы решили полностью сменить сферу деятельности и занялись сувенирами. Мы производим гастрономические сувениры: финиковую пасту, варенье из помидоров «черри», израильский травяной чай, оливковое масло — в общем, из всего, что здесь растет и упаковывается.

Вот этот бизнес. И мы занимаемся им 7 лет. Тут у нас семья разрослась. Появились новые дети. Вся наша жизнь связана с Израилем так или иначе. Вся наша трагическая и вдохновенная история.

Когда они решили уехать, ему было 53 года, дочке немного за 30, ее детям одному 8 лет, другому — 2 месяца.

— Это решение было для вас простым?

— Решение было простым, но обстоятельства — травматическими. Был уничтожен бизнес, который существовал 25 лет. Я мог быть человеком мира, жить на две страны. Но вывод был один — как можно резче завершить отношения со страной.

Израиль. Фото: Zuma / TASS

— А как вы входили сюда, в Израиль?

— Мы входили с большим энтузиазмом. Ничего не зная. Если бы начали считать, то вряд ли уехали бы.

Израиль — страна маленькая, отношения тесные, найти что-то сложно. А если еще человек несет на себе печать того места, откуда приехал... Мы как в РФ таджики. Мы чувствуем себя таджиками. Мы хотим не раствориться — в моем возрасте это невозможно, — но стать хорошими таджиками.

Тут люди из стольких стран, только в Израиле я ощутил и понял, что есть другие евреи. Йеменцы, французы, грузины... все они несут печать того места, откуда приехали. Израиль — это копия нас, советского народа.

«Советский народ 2», но он просуществовал уже больше, «чем советский народ 1». Уже на один год больше, чем Советский Союз. Может, что-то получится.

— Вы сталкиваетесь с нынешней алией?

— «Сталкиваюсь» не то слово, я живу с ними. Именно с теми, кто приехал после 24 февраля. Эту волну от предыдущей отличает только одно — они не собирались уезжать из России. А если и подумывали, то не в Израиль. А других отличий практически нет.

Волну (алию) после 14-го года, к которой принадлежу я, называют по-разному — крымская, сырная, алия деятельных. Это люди с высшим образованием, с бизнесом, поездившие по миру, деятельные. Линор Горалик*, русскоязычная писательница, рассказывает об этой алие, к которой я принадлежу. И о другой, «тыквенной» (по имени нашумевшей в Израиле истории с напитком «тыквенный латте»), которая приехала с 22-го года. «Тыквенная» алия отличается от «сырной». В той обычно спокойно продавали квартиру, переводили деньги.

Сейчас же люди все бросают, забирают только самое необходимое — и бегут. Это проблема. Они не знают, что такое Израиль, чем будут заниматься, и это роднит с алией 90-х («Большой алией»), когда приехал миллион, и они не знали, куда едут, бежали. Сегодняшние люди, не понимая среды, строят

планы. Мне кажется, они так и останутся планами.

Они исходят из того, что, если я умел и у меня получилось там, получится и здесь. Но не знают среды.

Сейчас происходит очередной взрыв «культурной энергии». Чрезвычайно много кинопоказов, лекций. Это вызывает любопытство и раздражение. Израиль все это уже видел.

Обычно любая алия вызывает всплеск, а потом проходит. Как брошенный в воду камень — булькает, и от него расходятся круги, — то же самое происходит с сегодняшней алией. Сначала всплеск — и круги. И опять всплеск...

Приехало много ярких, наглых людей и в то же время депрессивных.

Еще одна черта новоприбывших — недооценка Израиля. Чем он занимался там, то у него здесь «плохо». Если человек был консультантом — «здесь нет хороших консультантов». Если художник — «нет художников», ресторатор — «нет хороших ресторанов» Поэтому другая черта новоприбывших — «сейчас я вам покажу». Проблема в том, что у него нет денег.

Врачи, конечно, говорят, что здесь нет медицины. Но так как Израиль уже все это видел, он спокойно относится к «приступам самообмана».

В группах «Тыквенный латте», «Репатрианты Израиля», «Мы вам рады» — старые репатрианты ждут провокации. Когда новоприбывшие скажут, потирая ладони: «нет скатерти в ресторане», тогда старые взрываются: «а зачем ты туда

ходишь»? Упрекают в нелюбви к Израилю и пр.

На самом деле сейчас у вновь прибывших много инициатив. Вновь прибывшие молодые люди берут подростков, вытаскивают из среды (подростки находятся в тяжелейшем психологическом состоянии) — ходят с ними, организуют какие-то встречи, создают сообщества. Причем сами эти волонтеры находятся в тяжелом психологическом состоянии (приехали, не могут устроиться по профессии, работают где-то на заводе и после работы занимаются с подростками). Еще приехали из «третьего сектора», как их называют, — добровольцы. Хайфа опять стала русским городом.

— Сохраняются ли связи с Россией? Многие ли работают дистанционно?

— Да, очень многие. Все, у кого имеется такая возможность, связь — айтишники, дизайнеры, коучеры...

Это, с одной стороны, то, чего не было у прежних алий. А с другой — потеря времени. Думать, что в России что-то произойдет, изменится — это театрики для самих себя.

Израиль. Фото: AP / TASS

Слушая Аркадия Майофиса, я вспомнил о стадиях, которые проходила послереволюционная, столетней давности, эмиграция. Сначала сидели на чемоданах, полагая, что это ненадолго. Потом создавали лектории и театрики для самих себя. А когда наконец осознали, что там надолго, если не навсегда, стали думать, что делать с русским языком, культурой, как передать их детям. И тогда в разных концах света, куда они были заброшены, стали возникать учебные заведения. Школа русских земледельцев в Сан-Паулу. Знаменитая гимназия в Афинах. Центр изучения России в Праге с мощным педагогическим сектором.

А то, о чем говорит Аркадий Майофис, заключает в себе живое противоречие. Да, с одной стороны, будущее, как «русский сектор» в Израиле и в другом месте — это потеря времени. А с другой — это связь с детьми и внуками, которую нельзя

нарушать, разрывать.

— Это вы так говорите эгоистически, — замечает Аркадий, рисуя картинку, где взрослый возвышается над ребенком. И другую, где они одного роста. — ...Вот приехал человек, нет кабачковой икры. Изготовили. И покупатели этой кабачковой икры есть. Но следующие покупатели есть эту кабачковую икру не будут. В этом смысле надо понимать, что любое занятие русскоязычного бизнеса — это иллюзия. Это «гетто-бизнес».

Давайте лекторий создадим! Это хорошо. А моим детям уже не хорошо. Заканчиваются на мне.

Мы плохо понимаем детей, они живут в гаджетах, в искусственном интеллекте. А если это еще другая страна — другая музыка, другие триггеры детские. Приезжие дети пойдут в израильские театры, израильские лектории. В лучшем случае они спросят, кто такой Шалеф (израильский современный писатель-классик). Но не Сорокин и Пелевин.

Вы правильно сказали о послереволюционных эмигрантах. Их психологическом состоянии. Вначале понастроили русские школы во Франции. А потом отдали детей во французские школы.

Мой отец родился в Латвии, но от этого я не стал латышом. Это факт биографии. Нет, будущее — другое. Вначале хочется, чтобы остались языки, культура, но ребенок идет во французскую школу — потому что это будущее.

Насчет того, что у новоприехавших ниже уровень жизненного благополучия. У «благополучных» в 90 процентах случаев это

так. Что пять лет надо пробиваться? Да, это цена свободы.

— **Все же каков, на ваш взгляд, сценарий будущего: развитие «русского сектора» или ассимиляция?**

— В первом поколении будет параллельный процесс. Но потом во втором поколении — ассимиляция. Израиль перемелет. Не знаю, как в других странах, но в Израиле точно — проверено. И чем быстрее примете это как данность, как неизбежность, тем легче будет. Иначе ты всю жизнь будешь на чемоданах. И ты себе не будешь жить давать и не будешь давать жить детям.

— **Тяжело...**

— Миграция легкой не бывает. Иначе это не миграция.

— **На одном из чатов делятся успешными примерами выстраивания жизни в Израиле.**

— Собственно, свою миссию я ищу в таких примерах и рассказываю о них. Я ищу интересного человека, открывшего мастерскую по керамике, частную студию, и это подойдет для всех — не только для русских. Вот же театр приехал из Москвы, в полном составе. Аншлаги!

Есть знакомый издатель, начал поставлять в Израиль книги на русском языке, что-то зарабатывает. Изучает логистику, сколько будет стоить склад, доставка... Следующий этап — переходит на арабский язык. Следующий — на иврит. Что-то зарабатывает. Изучает рынок. Но цель — книги на иврите.

— **Можно ли жить в Израиле без иврита, говорить на английском?**

— Можно жить без иврита. Зачем кассиру русского магазина знать иврит?

*Внесена Минюстом РФ в реестр «иноагентов».